

В. П. Визгин
ХРОНИКА ПУТИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

В. П. Визгин

ХРОНИКА ПУТИ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2026

УДК 1/14
ББК 87.3
В 428

Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН

Рецензенты:

докт. филос. наук *Л. П. Киященко*

докт. филос. наук *А. А. Кротов*

Визгин В. П.

В 428 Хроника пути. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 584 с.

ISBN 978-5-907498-95-2

В книге автор размышляет о проблемах, которыми он был занят в течение почти тридцати лет. Затрагиваются такие темы и понятия, как творческая верность и тайна бытия в философии Габриэля Марселя, творческое поведение и поиск на земле лестницы, ведущей к небу, у Михаила Пришвина, русская философия первой половины XX века, преодоление западной философией ограниченности своего рационализма, нефилософские истоки философии и ее соотношение с поэзией, музыкой и литературой. Эти темы раскрываются в форме фрагментарных записей, что обеспечивает жанровое единство книги. Записи представлены в хронологическом порядке, иллюстрируя авторский путь от науки к философии и от нее к литературе.

Основная идея книги — в развернутой демонстрации несостоятельности «школы подозрения», философские установки которой не позволяют показать, как возможна причастность человека к высшим позитивным смыслам, и тем самым утвердить их нередуцируемость к низшим уровням реальности.

Книга предназначена для всех интересующихся философской мыслью в ее культурном и историческом контексте.

На обложке:

фрагмент картины М. К. Клодта «Лесная даль в полдень» (1876)

ISBN 978-5-907498-95-2

9 785907 498952 >

© В. П. Визгин, текст, 2026

© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Из неопубликованных записей (1994–2001)	10
Из книги «На пути к Другому: от школы подозрения к философии доверия» (2004)	85
Из книги «Философия Габриэля Марселя: темы и вариации» (2008)	148
Из книги «Лица и сюжеты русской мысли» (2016)	293
Из книги «Пришвин и философия» (2016)	363
Из рукописи книги «От пирамид к сельве: западная мысль в поисках идентичности» (2020)	444
Из книги «Между философией и литературой» (2021)	513
Именной указатель	569

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лет десять тому назад в издательстве «Языки славянской культуры», где в то время в работе была моя книга «Лица и сюжеты русской мысли», главный редактор издательства Алексей Дмитриевич Кошелев, вспоминая мои уже изданные работы, посоветовал написать не слишком большую по объему итоговую книгу, в которой в удобной для меня форме я бы изложил свои основные идеи. «Да я тоже думал об этом», — ответил я на его предложение и рассказал ему замысел этой книги, представляемой теперь читателям.

Путь ясно и целиком видится тогда, когда он уже пройден, по крайней мере в значительной степени. Обозначим начало пути, о котором идет речь в данной книге. В 1990-е гг. я занимался исследованием научной революции XVII века и влиянием на нее герметической традиции. Философским гидом в исследованиях по истории науки сначала мне служила «микрофизика власти-знания» Мишеля Фуко. Но с тех пор базирующийся на ницшеанстве постструктурализм Фуко с его эпистемологией подозрения был преодолен, так как он не мог ответить на предельное экзистенциальное вопрошание о смысле человеческого существования. Этому способствовали прочитанные Вл. Соловьев и другие русские религиозные философы, убедившие меня в том, что высший экзистенциально значимый смысл человеческого существования невозможно свести к низшим уровням мирового бытия, что практикуется «школой подозрения» и примыкающими к ней традициями материализма и позитивизма. Ход этих исканий отразился в моей недавно вышедшей книге «Эпистемологический дневник» (2025), в которую вошли дневниковые записи 1984–1997 гг. Углубленное развитие этих идей было представлено в книге «На пути к Другому: от школы подозрения к философии доверия» (2004). При этом стиль мысли

автора этих книг менялся, переходя от научно-объективистской манеры к экзистенциально-персоналистическому стилю мысли.

Поясню теперь для читателя форму выражения этих идейных исканий. Эта форма, как правило, обозначается как раздел «Из записей». Мне она оказалась близка. И разделы, написанные в такой форме, выражают главное содержание книги. Мысли вспыхивают и тут же гаснут. И надо спешить, чтобы еще тепленькими положить их на бумагу. Потом они слегка редактируются, но осторожно, чтобы сохранить присущую им свежесть живого контакта с предметом мысли.

О чем же говорят собранные здесь записи? О методе «школы подозрения» и о невозможности, применяя его, свести высокое к низкому, о творческой верности и тайне бытия в философии Габриэля Марселя, о творческом поведении и поисках на земле лестницы, ведущей к небу, у Михаила Пришвина, о русских философах первой половины XX века, о западной философии, начиная с Декарта, и о том, как его геометрический разум соперничает с разумом жизненным и историческим, наконец, о нефилософских истоках философии, о соотношении ее с поэзией, музыкой и литературой.

В результате книга, как и предлагал мне Алексей Дмитриевич Кошелев, получилась итоговой в том смысле, что основные культурные миры, которыми я жил и в которых работал, отразились в ней в близкой для меня форме и скорой записи впечатления в момент рождения мысли. Так сложилась жизнь, и таким было «большое время» пережитой истории, что шел я от науки к философии и от нее к литературе. Но зародышевые клетки всех этих культурных миров давали о себе знать с самого начала творческой самодеятельности и, вообще-то говоря, никогда не исчезало их явное или, скорее, неявное соработничество.

Остается указать читателям на некоторые технические моменты. Начиная с книги «На пути к Другому», почти в каждой следующей есть раздел «Из записей». Для книги «От пирамид к сельве: западная мысль в поисках идентичности» (2020) такого рода заметки были собраны, но ввиду большого объема книги не были в нее включены. Теперь они заняли свое место среди такого же рода записей. Отдельные мысли представлены так, как они возникали при работе над темой книги. Иногда это очень короткие фрагменты, можно сказать афоризмы, а иногда

и весьма развернутые рассуждения. Порядок следования записей — хронологический, по датам издания книг.

Автор выражает признательность Алексею Дмитриевичу Кошелеву за идею создания этой книги, а также благодарность за поддержку в работе Институту философии РАН, и, в особенности, сектору современной западной философии, его руководителю А. М. Гагинскому и ведущим научным сотрудникам сектора И. И. Блауберг и И. Д. Джохадзе, а также В. А. Скрябиной, помогавшей при подготовке рукописи к печати.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ЗАПИСЕЙ (1994–2001)

Дрожжи истины

Мир замешен на истине, как тесто на дрожжах. И поэтому не надо удивляться, что истина соседствует с каждым человеком, с каждой былинкой... Плоть вещей оттого как бы прозрачна, сквозит и видима насквозь. Одно существо влечется к другому, и в этом движении плоть мира еще больше истончается притяжением к истине. Готовность теста мирского мы узнаем по этим токам и напряжениям — по любви, по широте души, в которой «плавает» мир материальный. Я не могу сказать, что просвечивание истины таково, что я ее вижу так, как вижу вещи земные — здания или деревья. Но я ощущаю тонкость плоти мира, реагирую на ее просветы и закругленность: земля всюду и везде граничит с небом. Так и плоть — с истиной, которая есть дух. У кромки земного бытия находясь, мы чувствуем, как изнутри перекатываемся в другого — понимаем его и расширяемся при этом, покидая стены своего индивидуального тесно сколоченного дома. И вот тогда мы и понимаем со всей ясностью, что эти бросающие нас к другому дрожжи и есть истина — наш родной дом-на-всех-и-каждого.

Бороздящий плоть мира пахарь насыщается электричеством широты — электричеством духа, этой плоти тончайшей, прозрачайшей, преобразующей мир. Я хочу сказать, что нужно промесить глину земли, промять ее вязкие пласты, чтобы в нас обозначилось присутствие истины. Земные жизнь и творчество, их огонь и трубы медные — лишь средство для обнаружения скрытого эфира истины, на котором замешено бытие мира и — нас в том числе.

Майстер Экхарт сказал, что страдание — наилучший конь, несущий нас к совершенству. Не следует ли добавить, что страдание надо понимать прежде всего в смысле крестьянской страды — работы с веществом мира на пределе сил? Чернец у поэта И. И. Козлова «жизнь страданием пережил», то есть изжил земную жизнь как обольщение, как манящий призрак земного счастья...

О перспективе нетесной

В глубине своего существа мы антеннами души настроены на жизнь вечную. Однако наши исторические решения за последние 500 лет поставили нас в перспективу короткоживущей жизни. Лишь смутно, тонким пунктиром человек осознаёт перспективу жизни вечной, где не тесно ни травам полевым, ни зверям лесным, ни звездам небесным... Тесно льву в собачьей клетке, тесно человеку за решеткой «свободного самозаконного научного разума», как океанская акула мечется он в аквариуме своих «освободительных» решений. Зааквариумная — занебесная и заземная — родина ощущается и современным человеком, но очень смутно, и редко он дает себе в том ясный отчет. И как же может быть по-другому, раз он во стольких поколениях оторван от сверхжизни? И не в том ли задача грядущего времени, чтобы вернуть человеку масштаб его изначального, объемлющего его и весь мир сверхмира?

Латентный проект

Для того чтобы дать неповерхностный отчет о делах человеческих, удобно воспользоваться понятием «латентного проекта». Речь идет о неявной установке, предвещающей и устойчиво сопровождающей в качестве гида воспроизводимую систему действий, но остающейся при этом скрытой от сознания действующего. Условно, это своего рода структура «подсознательного». Я увидел, как работает это понятие при попытке постичь, почему же я в конце концов пришел к религиозному мировоззрению, хотя в семье все, начиная с бабушки, были атеистами.

Дело в том, что уже в юности у меня сложился проект, раскрывающий, в моих глазах, смысл жизни — проект Познания. Познание явилось мне абсолютной, наивысшей ценностью, окончательно

оправдывающей жизнь и все ее содержание, если она устремлена к нему. Познание как своего рода «эрос» стремилось к достижению своей цели, исполненности, свершенности, достигнутой в форме *отвлеченной* мысли как системы истинных суждений, связанных между собой словесных формул, не исключая, впрочем, даже и элементов математического их представления. Можно сказать, что познавательный напор, как бы сам того ясно не осознавая, был нацелен на постижение исчерпывающей «формулы мира», или бытия, на выявление состава и структуры мировой жизни, на достижение последней доступной для выговаривания мудрости как знания о Целом бытия. Существенно, что в образ такого латентного проекта конечного результата познавательных усилий не входило религиозное мировоззрение. В своем предварительном представлении последняя мудрость, итоговая «формула» Всего не содержала даже мысли о Боге!

После того как составилась такой проект, началось его выполнение в ритме реального, конкретного времени. Пропущу рассказ об основных этапах этого предприятия. Скажу только, что примерно через 35 лет я получил такой результат: никакой последней формулы мира нет и в принципе быть не может, никакой секулярной или, резче, безбожной мудрости нет и быть не может; свободный от религиозного ядра образ истины есть образ... заблуждения!

Мой первоначальный латентный проект познавательной активности размером с целую жизнь оказался не более чем болотным огоньком, ведущим в топь. И эти слова — не гиперболы и не метафоры: под угрозой оказалось и элементарное физическое выживание. Итак, латентный проект секулярной философии выгорел дотла. Но не совсем бесплодным был мой опыт, ибо в угольках его мне приоткрылся намек на совсем другой проект — проект религиозной веры, дающей смысл всему, всей жизни и познавательному напору как таковому тоже. Это был даже не столько проект, сколько сама жизнь. Жизнь уже потому, что она смогла догадаться о своей включенности в сверхжизнь, что сразу пролило свет и на нее, и на ее познавательный эрос.

Итак, все это не означает, что познание теперь оказалось лишним. Нет, нужда в нем не отпала. Более того, только теперь оно нашло свой настоящий смысл, ибо обрело свои правдоподобные пропорции. Вера не может заменить и тем более отменить познаний в науках, исканий

в философии и искусстве. Познавательный порыв был заведен в тупик заносчивой секуляризацией и автономизацией безрелигиозного разума. Мой опыт здесь совпал с историческим опытом европейского развития за последние 500 лет.

Теперь я осознаю свой познавательный латентный проект как проект, в основе своей обожествляющий отвлеченный разум и потому не без доли условности могущий быть определенным как «гностический». Веру как дыхание самой жизни нельзя изгнать из познания, ибо без какой-то разновидности веры немыслим никакой целостный проект.

Итак, этот проект был подкреплён гностической верой в Знание как абсолют. Гностик обожествляет знание, ставя знающего выше морали и религии. Через знание индивид в гностическом мировоззрении приобщается к абсолюту. Облекаясь в знание, гностик осознаёт себя уже и спасённым, и ему для этого не нужно, как он считает, ни боговоплощения, ни жертвы крестной. Через овладение знанием, через растворение в нём гностик, как он полагает, отождествляясь с обожествлённым им знанием, решает проблему своего личного спасения. Частично я был вовлечён в такого рода веру некритически и чрезмерно мистически пережитой философией Гегеля, в особенности системой его «Науки логики». Осознавая в мысли абсолютную идею с её логикой, я как верующий гностик-гегельянец считал себя пребывающим в абсолюте и, значит, спасённым — вечным — через приобщение к бессмертию Мирового Духа.

Отдельные мысли

К Богу человек приходит через пережитое потрясение. Через логическое спокойствие отвлечённых терминов пути к Нему нет.

* * *

Ритм жизни как духовного восхождения: «Всем перемучиться, все узнать и встретиться с Богом... Блудный сын — образ всего человечества»¹.

¹ Пришвин М. М. Дневники 1918–1919. М., 1994. С. 348.

* * *

В ночи самочинного рационализма «зацветает сердце» (В. Эрн) и новая душа созревает на невидном свету.

Мы и они

Мы, экзистенциальные писатели, погружены в жизнь с ее неразрешимостями, где сразу всё: и высокое и низкое, и личное и сверхличное... А вы, чистые ученые, черпаете по чайной ложечке из чистых фракций: здесь — божественное (теология), там — познание земного (наука), а тут просто жизнь (поход к зубному врачу). А у нас — всё вместе и всё сразу. Так подобием великой смеси Анаксагора перед нами и в нас — сразу, одним неопишуемым ритмом — бьется жизнь.

Философ и слуга

Иммануил Кант однажды уволил своего старого слугу — раз проворовался, то пошел вон. Однако, уволив, никак не мог его забыть. И чтобы положить конец этому мучительному раздвоению, написал на карточке: «Больше не думать о нем!» — и поставил напоминание в самый центр своего рабочего стола.

Определение органического

Разглядывая строение первомайского хвоща — выгон стебля у него прямо пропорционален диаметру квазилистового яруса, — я пришел к такой дефиниции органического: целостное сгармонизированное движение к цели. Чем больше междуярусный прогон, тем больше диаметр яруса: аккордное, гармоническое движение к цели.

* * *

Раздрызганная полевая дорога. Ухабы и колеи. Вот и лужа поперек дороги в дорожной грязи. Но в ней — голубое небо. Таков и ты, человек...

Неизбежность Божьего мира

Церковь в селе, где мы живем, разрушена с 1918 года. И неизвестно, будет ли восстановлена: такая нищета и разорение русской деревни.

Вот и Пасха! А деревенские дети впервые слышат слова «кулич», «пасха»... что они знают о богочеловеке Иисусе Христе? Храма в деревне нашей давно нет. Есть телевизор. И вместо ангелов, апостолов, Бога дети знают покемонов и инопланетян. Но... Но одевают детей в самые лучшие наряды и с цветами и венками целыми семьями идут на кладбище, что, как и раньше, расположилось возле церкви, ныне разрушенной, на высоком берегу реки.

В светлое Воскресение Христово идут сельские люди на сельское кладбище — тоже своего рода храм Божий...

Весенние картинки

I

В лунке из пыли сидит голубь. Крыло перебито. Недвижим. И только нервно водит красноватым глазом, оглядывая мокрые от недавнего рождения нежные листья клена.

II

Голова профессора, вся седая, зажата держалками датчиков медицинского исследования. Водя по голове электрическим прибором, врач прижимается к профессору грудью. Легкое волнение в старом профессорском сердце. У врача большие глаза большой дикой птицы.

Ученый

Ему уже давно пора подумать о путешествии к праотцам, вспомнить о душе своей, но нет: «Так как же все-таки устроен клоп?» — спрашивает ученый.

Об участии и безучастности

Не является ли телевидение школой безучастности? Действительно, мы смотрим на горящий дом, на гибнущих людей — и совершенно не участвуем в помощи бедствующим. Мертвая корка зрелища душит сам порыв помочь терпящим беду людям. И если подвергшийся длительной телеанестезии человек оказывается в ситуации, когда он реально может помочь людям, оказавшимся в беде, то эффект омертвления нравственно ценного порыва дает себя знать — он безучастно проходит мимо. Раздражение чувства солидарности *впустую* не может не вести к его блокировке в момент, когда оно может реально проявиться. Не берем ли мы из новостных триллеров, которым нет конца, уроки равнодушия?

Художник — кровный участник человеческой драмы. Рождение, болезнь, смерть близких, иллюзии, разочарования, личное горе, равно как и творческий подъем, равномерность труда, красота мира, женские чары, очарование ребенка, отцовство, дружба, тоска, одиночество, усталость, — все это не зрелище или спектакль для него, не кино, а он сам.

Я сказал «художник», но на самом деле таков каждый человек, и его можно назвать художником или творцом в той мере, в какой он свою причастность к драме бытия преобразует, пытаясь стать лучше, чем он есть, выполнить свое призвание, откликнуться на зов Пославшего его жить и бороться.

Сердцевину того, к чему причастен человек изнутри себя самого, я бы назвал *неповторимыми неразрешимостями*. Апории экзистенции, инварианты фундаментальной ситуации человека-в-мире. Жизнь и смерть, вина и ошибка, борьба и страдание. Это близко к тому, что анализировал в качестве пограничных ситуаций Ясперс и что вслед за ним исследовал Марсель. Но меня интересуют именно совершенно неповторимые неразрешимости как основа ткани человеческого существования (бытия-сознания, духовного ядра личности).

Считаться ли мне с моей слабостью? Если да, считаться, то я тем самым признаю ее, и она лишь укрепляется. Если нет, то тогда я не считаюсь с самим собой (ведь я участвую в том, что называю своей слабостью) и не следую, казалось бы, верной гётеанской максиме выбирать жизнь по своей мерке, ориентируюсь на то, что мне подходит. Но сам

Гёте боролся со своими слабостями, например с присущим ему страхом высоты. Тем самым сама гётеанская максима предстает в амбивалентном свете.

Мы считаемся со своими физическими слабостями. А как быть со слабостями духовными? Оправдывать себя с *позитивным* результатом — невозможно. А если осуждать и раскаиваться, но не бороться, то не самообман ли это?

Есть такие неразрешимости, к которым мы прикованы, как Сизиф к своему камню.

И в этой связи мысль об участии, с которой я начал это размышление, оказывается целительной, когда я ее применяю к неразрешимостям личного плана. Наша причастность к первородному греху, может быть, обнаруживается именно в таких сизифовых ситуациях. В своей духовно-телесной индивидуальности воплощенных существ мы тянем с собою всю историю мира, начиная с Творения и Грехопадения. Но достоинство человека как образа и подобия Бога — в причастности к драме Спасения, в борьбе с грехом, в творческом преображении нерешенностей и апорий существования. Достоинство человека — *в причастности не только к драме греха, но и к драме Искушения.*

Вкус к жизни

В высшей степени им обладает не тот, кто «прожорлив» по части жизни — бонвиван, гастроном, донжуан, — а тот, кто высшие сорта жизни излучает для всех, кто вкус к ней и с ним саму жизнь распространяет вокруг себя, кто, одним словом, не потребляет жизнь, а творит и дарит.

О самообладании

Самообладание невозможно понять в координатах «духа» и «тела» как равноправных и друг от друга обособленных сущностей. Самообладание — *благодатное* удержание *полной*, то есть *воплощенной, формы*, духовно-телесного единства личности. Излагая идеи К. Е. Голубева, философа-самоучки, ученика старообрядца Павла Прусского, вернувшегося вместе со своим учителем к единоверию, Достоевский

пишет: «Бог и Царство Небесное внутри нас в самообладании и свобода тут же»².

О самонеобладании: вопрос

Гоголевский мир гротеска и фантазии, в котором «незначительное — важно, важное — ничтожно»³, был моим миром (см. «Божьекоровские рассказы», другие тексты, большей частью неопубликованные). Я вспоминаю, как в эссе «Знание как мир» (посвященное Г. Гачеву) перед публикацией начисто срезал его чисто гоголевскую концовку, воспроизвести которую мне мешает, быть может, чрезмерная стыдливость. Не съела ли наука вместе с заботой о публикательности мою гоголевскую суть?

Достаточно

«Я не нужен, ни в чем я так не уверен, как в том, что я не нужен». Я был готов подписаться под этими словами В. В. Розанова, если бы вчера мне один — 1 из 6 000 000 000 — не сказал: «Ты мне нужен...»

Небольшая замена

Модифицировать лозунг *égalité — liberté — fraternité* не такая уж глупая идея. Я бы, например, на место «равенства» поставил Бога. Кстати: и остальное стало бы тогда лишним — ведь из Бога вытекают и свобода и братство.

* * *

Современная техномания пытается заменить братство людей как духовное родство в богосыновстве его суррогатом — «братством по вселенскому разуму». Нас хотят уроднить с киборгами и инопланетянами. Но ничем, кроме карикатуры на подлинное братство, такая *рациональная* семья быть не может.

² Цит. по: Мочульский К. В. Кризис воображения. Томск, 1999. С. 65.

³ Там же. С. 37.

14 июля 2001 г., День взятия Бастилии

Навязчивая идея Запада — во что бы то ни стало раздробить славянский мир, разобщить славян и противопоставить их России — осуществлена в конце XX века. Разбита на клочки не только Российская империя, или Россия историческая, но и крупные славянские страны Восточной Европы — Чехословакия и, что особенно трагично и преступно, Югославия. Западом достигнуто главное — славянские страны, как старые, так и нововозникшие, особенно Украина, противопоставлены России, склонившись перед силой Запада. Но, более того, подорвана и, как все считают на Западе, мощь самой России. Как с восторгом писала одна американская газета, уничтожено материальное и духовное могущество русских. 17 июля 1868 г. в Законодательном собрании Франции Карно сказал: «Если России удастся однажды осуществить свою мечту полностью захватить славянский мир, то она столь весомо будет давить на Европу, что сделает ее подчиненной. И не будем заблуждаться, это не славянская стихия придет к господству, а московская: с помощью славян азиатская цивилизация триумфально покорит цивилизацию европейскую»⁴. Месье Карно забыл, пугая Западную Европу коварством России, что она по сути своей принадлежит к христианской и поэтому родственна западноевропейской цивилизации. Да, у России гораздо больше точек соприкосновения с Азией, чем у Европы. Это понятно. Но это не делает ее цивилизацию азиатской. Впрочем, я привел эти слова государственного деятеля Франции не для того, чтобы указывать на элементарные ошибки в русофобских высказываниях Запада. Я их привел только для того, чтобы показать, насколько глубоки предрассудки и страхи Запада по отношению к России и насколько велика их роль в недавних событиях, с упоминания которых я начал это рассуждение.

Универсальный империализм Западной Европы начался как раз ровно 212 лет назад, когда пала парижская тюрьма под натиском возбужденной толпы. Сначала это был империализм, зовущий к освобождению от тирании другие страны. Но затем он сам стал тиранией.

⁴ *Marcel G. Les Hommes contre l'humain. Nouvelle édition. P., 1991. P. 146. См.: Марсель Г. Люди против человеческого. М.; СПб., 2018. С. 172–173.*

«Демократия, — писал после Парижской коммуны критик Эмиль Монтегю, увы, забытый, — не предлагает нам больше освободить человечество от всякой тирании. Она нам приносит свою собственную. Она нам не предлагает больше быть терпимыми ко всем верованиям, нет, она нам приносит нетерпимость своего закона. Демократия не требует больше от нас признания своей свободы, нет, она требует от нас послушания своему господству. Тем самым она вступила на тот путь, по которому шли все опьяненные собой державы, в конце которого они всегда обретали свое поражение, разгром и могилу»⁵.

* * *

Вечером был застигнут врасплох восходом луны. Она восходила на горизонте, за кромкой холма, желтая и налитая, как шафранное яблоко — скользящая тень Солнца, его ночной двойник, имитация его золота в серебре, жара — в холоде, жизни — в смерти.

А проснувшись ночью, увидел, как луна яркой полосой прорезала веранду, сверкая льдом горных вершин, просвечивая сквозь тишину и туман августа.

* * *

Среди приоритетных фактов мира самый упрямый — время. Для человека с мироверческим типом сознания время — основа пессимизма: ведь оно жестче всего режет крылья мечте.

Культура и натура

Мой сосед оснастил свой участок великолепным декоративным кустом — бело-розовым, разместив его в центре тщательно выстриженной лужайки. А у меня на траверсе этого культурного великолепия вырос высоченный дикорастущий кипрей. Смотрю и говорю: не хуже. Природа не уступает культуре в красоте.

⁵ *Marcel G. Les Hommes contre l'humain. P. 146.*